

Королевский балет дает королевские возможности, но хочется в Большой...

Александр ШАЛЬНЕВ, «Известия»

Ирек Мухамедов не прочь стать художественным руководителем балета Большого театра. Он не рвется туда. Но вот если бы предложили, поехал бы, бросив лондонский Королевский балет, который на нем, на Иреке, и его суперзвездном статусе и держится.

Уже четыре с лишним года, как Мухамедовы в Англии, сбежав из Москвы, из Большого, от Григоровича, который был когда-то богом для Ирека, вывел его в звезды и как должное принимал от него преклонение и готовность к самопожертвованию, но который равнодушно и бесцеремонно отвернулся, когда счел, что полезность свою Ирек исчерпал.

Странно, но и сейчас Мухамедов говорит, что если б не изменил он тогда, в девяностом, круто своей судьбы, остался в Большом, никуда не уехал, в нынешнем бы конфликте выступил, наверное, на стороне Григоровича. Хотя, добавляет, «после всего, что передумано было за эти четыре года, что было понято и что оценено, я бы старался вообще в конфликт не влезать».

А в Москву бы Ирек вернулся. Несколько раз повторил он мне это, даже если у жены Маши, судя по выразительной реакции, особого восторга такая перспектива не вызывает.

— У вас есть сожаление, что вместе с Григоровичем изгоняли из Большого Плисецкую, Васильева, Максимову, других, что выступали на том недоброй памяти собрании трупы и громили тех, кто неугоден был вашему богу?

— Конечно, есть. Я вспоминаю о том дне, как о затмении — затмении глаз, мозгов, всего... Я был, как пешка. Глупая слепота. Столько эти люди сделали для Большого, а их изгоняли.

Они потом встретились — Плисецкая и Мухамедов, выступали на одном и том же концерте в Париже. Балерина зла не держала. Она все прекрасно поняла: если б не речь, Мухамедова тоже бы сожрали. Но и речь не помогла. Его все равно загнали потом в тупик, из которого был только один выход — бежать, как выразилась Маша, свалить.

Встречались и с Максимовой уже тут, в Лондоне, на приеме после концерта. «Мне стыдно было идти к ней. Маша уговорила. Не помню, извинился ли перед ней. Кажется, да». «Нет, — перебивает Маша, — ты сказал только, как чудесно ты выступила, Катя».

Но вообще-то зря, наверное, затеял я теребить их память. Они давно уже не в той жизни и счастьем считают, что ушли тогда из Большого: Маша была там солисткой и, по словам ее, «первой любимицей дяди Юры» — Григоровича.

— Многие ли соседи ваши знают, кто вы такие?

— Пара-тройка. И уж, конечно, никто не донимает, не караулит у калитки, не лезет с расспросами. Не принято этого в Англии. Не Америка это все ж и не Россия.

Мухамедовы легко вписались в эту жизнь. Именно в английскую. Нью-Йорк терпеть не могут. Слишком суматошно и быстротечно там.

Не похож своей жизнью Ирек на суперзвезду. Ну, тем, к примеру, не похож, что заработка побочного не особо ищет, в рекламах не снимается, спонсоров не привлекает.

И Королевский балет — это только фрагмент его жизни, а не вся она.

— В Москве, — говорит он, — без балета не выжил бы. Отняли бы его у меня, и жизнь бы кончилась. А тут моя жизнь — в другом. В них, — кивает он в сторону Маши и четырехлетней дочери Сусики, — Александры по паспорту.

В Ковент-гарден, в Королевском балете, ему тесновато. Он всеяден. Станцевал и танцует все партии, которые хочет и может, давным-давно выйдя из того амплуа, которое определил ему в Большом Григорович, — «силовые» балеты; амплуа «Спартак» требовало, по словам Ирека, «каждый раз переступать через собственные мышцы и кости».

Но и того, что есть у него сейчас, маловато. Хочется больше, хочется, чтобы ставили в Ко-

ролевском балете «под него». Пока не ставят.

Ставить сам не хочет, потому как не дано ему это. «Могу сделать хореографию своей партии, но выстроить танец для всех, — это, увы, выше меня. Хотя режиссер получился бы».

У Ирека есть интерес на стороне. Тоже балетный. Создал компанию «Ирек Мухамедов и К°». Набирает на несколько недель труппу и разъезжает с гастроллями. Одноактные спектакли и дивертисмент. Каждый раз — аншлаг и успех. Его «Отелло» на музыку Верди признан был лучшим балетным спектаклем Британии минувшего года.

Очередная задумка — «Распутин». Балет. Премьера — нынешним летом во дворце Хэмптон-корт, под Лондоном. Музыку написал Александр Соиников, либретто — русская парижанка Наталья Волкова, она же — хореограф.

Изначально идея была в том, чтобы Ирек не только танцевал, но и говорил и даже пел. Идея отпала: не хватило бы времени на переквалификацию. Текст читать будет актер из-за кулис. Ирек только танцевать.

Сюжет? Возвращение Распутина с того света, рассказ его о том, что и как было в то, предреволюционное, время.

Собственно, удачи «Ирека Мухамедова и К°», которую восторженно принимают не только зрители, но и критика, и дали, как мне показалось, ему убежденность в том, что справился бы он с художественным руководством балета.

Иреку, по собственным его прикидкам, танцевать дано еще лет пять. Ему сейчас тридцать пять. В сорок он достигнет возраста почти предельного. Просто ходить по сцене, как то было с Нуриевым в последние его годы, не хочет. Звонко прозвенит, когда люди начнут предаваться воспоминаниям о том, каким Мухамедов был раньше, не обращая внимания на то, какой он сегодня.

— А что вы думаете, с Большим станет дальше? Разбегаются люди, никого почти не остается.

— Крепка балетная школа русская. Настолько, что если не завтра, то лет через пять все равно Большой выживет. Даже и мысли не допускаю, что в труппе Большого нет сейчас никого, кто будет новыми звездами. Надо только платить людям деньги и создавать им условия. Хорошо, чтобы у Васильева это получилось.

Деньги... В Ковент-гарден, в Королевском балете и в Королевской опере, вопрос с ними решается.

Дотации государства, спонсорские сборы, билеты, цены на которые бывают просто астрономическими, — под приезд Паваротти, который будет петь в «Бале-маскараде», цены перевалили за двести пятьдесят фунтов, почти четырехста долларов. И вот — новый источник: многомиллионные доходы от национальной лотереи, которые распределяться будут на конкурсной основе. С Ковент-гарден мало кто может конкурировать. Это — национальное достояние, это — народная гордость, это — почти святая.

Как и наш Большой. Когда-то?..

ЛОНДОН.

208